

Идея Европы и гуссерлианская историческая телеология*

MIETTINEN T. (2020). HUSSERL AND THE IDEA OF EUROPE. EVANSTON: NORTHWESTERN UNIVERSITY PRESS. 256 P. ISBN 978-0-8101-4148-3

Дмитрий Резников

Стажер-исследователь, Центр фундаментальной социологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: reznik.soc@mail.ru

Книга Тимо Миеттинена «Husserl and the Idea of Europe» предлагает читателю тщательный анализ понятий «не-субстанциального универсализма» и «исторической телеологии» в работах позднего Гуссерля. Какова цель такого анализа и чем он может привлечь внимание исследователей социального? Автор таким образом подводит читателя к обоснованию центрального места социально-исторического измерения в феноменологии. Общеметодологический фокус книги на поздних работах Гуссерля позволяет увидеть в них философский «фундамент» для построения такой социальной онтологии, которая не могла быть реализована в более ранних его трудах. Подобное прочтение Гуссерля (через призму «не-субстанциального универсализма» и «исторической телеологии») может быть полезно не только феноменологам, но и феноменологически ориентированным социальным ученым, неудовлетворенным «стандартной интерпретацией»¹ Гуссерлевой феноменологии.

Еще в своей диссертации 2013 года «The Idea of Europe in Husserl's Phenomenology: A Study in Generativity and Historicity»² Миеттинен оглашает знакомую многим повестку полемики об отношениях между феноменологией Гуссерля и категорией социального, развернувшейся во второй половине XX века. Он утверждает, что сторонний взгляд, обращенный к проекту Гуссерля в его прижизненно опубликованных работах, уже давно привык видеть в нем «индивидуализм», ограниченный перспективой первого лица и не пригодный для социального измерения человеческой жизни. Такой взгляд можно проследить, по крайней мере, в трех популярных

* Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ «Этика солидарности и биополитика карантина: теоретические проблемы культурно-политических трансформаций в эпоху пандемий», реализуемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.

1. *Welton D.* (2002). *The Other Husserl: The Horizons of Transcendental Phenomenology*. Bloomington: Indiana University Press. P. 393–404.

2. *Miettinen T.* (2013). *The Idea of Europe in Husserl's Phenomenology: A Study in Generativity and Historicity*. Helsinki: University of Helsinki. P. 153–159.

предубеждениях. Первое, характерное, например, для Адорно³, в принципе отказывает притязанию феноменологии на социальное, считая ее загнанной в ловушку солипсизма. Второе предубеждение признает заслуги феноменологии в исследовании интерсубъективности, но не считает трансцендентально-феноменологическое предприятие достаточным для ее полного раскрытия. Так, Шюц в своей критике пятой картезианской медитации обнаружил невозможность решения проблемы интерсубъективности с точки зрения трансцендентальной субъективности и ввел автономный, отличный от решений Гуссерля, проект феноменологии жизненного мира, определивший дальнейшее самостоятельное движение феноменологической социологии⁴. Наконец, третье предубеждение, представленное в работах Хабермаса⁵, критикует феноменологию за отсутствие нормативного измерения, проигнорированного в пользу «сциентистского» дескриптивного анализа, не способного реагировать на конкретные проблемы и вызовы социальной жизни.

В книге «Husserl and the Idea of Europe», представляющей, по сути, сокращенную и доработанную версию работы 2013 года, Миеттинен решил опустить эту проблематику, вероятно, руководствуясь тем фактом, что предубеждения об исключительной индивидуалистичности феноменологии Гуссерля начали стремительно сходиться на нет еще с конца XX века. Среди специалистов-феноменологов, а пожалуй, и среди более широкой философской публики «другой» Гуссерль⁶, интересующийся вопросами за пределами имманентной сферы трансцендентальной субъективности, уже давно является знакомой и значимой фигурой. Такое изменение взгляда стало возможным благодаря изданию, во-первых, неопубликованных рукописей Гуссерля и, во-вторых, авторитетных исследовательских и комментаторских работ, сопровождающих эти рукописи и посвященных выходу за картезианские и статические рамки феноменологического проекта⁷.

Однако то, что успешно оседает и закрепляется в философии, доходит до социальных наук с некоторым запозданием. Предполагается, что значимость исторического и социального измерений в работах Гуссерля до сих пор остается не-

3. Adorno T. W. (1940). Husserl and the Problem of Idealism // *The Journal of Philosophy*. Vol. 37. № 1. P. 5–18.

4. Schutz A. (1970). The Problem of Transcendental Intersubjectivity in Husserl // *Schutz A. Collected Papers III*. Dordrecht: Springer. P. 51–84. В русском переводе: Шюц А. (2003). Проблема трансцендентальной интерсубъективности у Гуссерля // Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ. А. Я. Алхасова и Н. Я. Мазлумяновой под ред. Г. С. Батыгина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». С. 46–95.

5. Habermas J. (1968). *Erkenntnis und Interesse*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

6. Welton. Op. cit.

7. Ссылаясь на список авторов, представляющих альтернативу «стандартному портрету Гуссерля» в работе Дона Вельтона «The Other Husserl», мы можем упомянуть такие значимые и для самого Миеттинена монографии, как: Carr D. (1974). *Phenomenology and the Problem of History*. Evanston: Northwestern University Press; Steinbock A. J. (1995). *Home and Beyond: Generative phenomenology after Husserl*. Evanston: Northwestern University Press; Held K. (1966). *Lebendige Gegenwart: Die Frage nach der Seinsweise der transzendentalen Ich bei Edmund Husserl, entwickelt am Leitfaden der Zeitproblematik*. The Hague: Martinus Nijhoff.

дооцененной⁸. И даже более того, сегодняшняя социология склонна сохранять накопившиеся предубеждения о проекте Гуссерля, отдавая предпочтение не-гуссерлианским направлениям феноменологии, будь то структурализм или герменевтика, феноменологическая социология или этнометодология⁹.

Тем интереснее для нас работа Миеттинена. Несмотря на то что ключевые вопросы, которые здесь ставятся, — это вопросы о концептуализации «универсализма» и «телеологии», социальный ученый может обратиться к ней как к способу разрешения тех проблем, которые были установлены десятилетиями социологической критики феноменологии Гуссерля. Эти проблемы указывают на недостатки статической перспективы раннего Гуссерля, занимающегося дескриптивным анализом вне-исторической и данной с абсолютной очевидностью трансцендентальной субъективности. Однако, как демонстрирует Миеттинен, эта справедливо обозначенная проблематичность «нескончаемого монолога одинокого сознания, обращенного к самому себе»¹⁰ преодолевается внутренними силами феноменологии. В ходе продолжительных исследований Гуссерля обнаруживается сначала собственная историчность трансцендентальной субъективности и необходимость генезиса — как активного, так и пассивного — всех конституируемых ею смысловых единств (что представлено в генетической перспективе), а затем и включенность этой трансцендентальной субъективности в историческую ситуацию жизненного мира и необходимость апроприации ею смысловых комплексов в процессе «передачи» (*passing forward*) традиции между поколениями (что представлено в генеративной перспективе). Введенная Миеттиненом в анализ генеративная феноменология¹¹ опровергает вышеприведенные предубеждения против феноменологии в целом и, следовательно, вновь обращает внимание социального ученого на возможность основания онтологических предпосылок наук о культуре в трансцендентально-феноменологическом предприятии. Иными словами, работу Миеттинена можно представить как последовательное установление генеративной перспективы в качестве альтернативного философского ресурса для анализа социальной жизни — ресурса, который, как будет показано далее, открывается

8. Так, в широко распространенной сегодня методологии «эмпирической феноменологии», разрабатываемой и применяемой в социальных науках, все еще используется инструментарий исключительно статической перспективы феноменологии Гуссерля, за которой и закрепился ярлык «индивидуализма». См.: *van Manen M.* (2016). *Researching Lived Experience: Human Science for an Action Sensitive Pedagogy*. L.: Routledge; *Smith J. A., Flowers P., Larkin M.* (2009). *Interpretative Phenomenological Analysis*. London: SAGE; *Moustakas C.* (1994). *Phenomenological Research Methods*. London: SAGE. См. дискуссию: *Zahavi D.* (2019). *Getting It Quite Wrong: Van Manen and Smith on Phenomenology* // *Qualitative Health Research*. Vol. 29. № 6. P. 900–907; *Zahavi D., Martiny K.* (2019). *Phenomenology in Nursing Studies: New Perspectives* // *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 93. P. 155–162.

9. *Miettinen*. *Op. cit.* P. 155.

10. Карикатура на феноменологическую философию, представленная в романе писательницы и профессора философии Мюриель Барбери «Элегантность ежика»: *Barbery M.* (2010). *L'élégance du hérisson*. P.: Gallimard. В русском переводе: *Барберу М.* (2015). *Элегантность ежика* / Пер. с фр. Н. Мавлевич и М. Кожевниковой. М.: Азбука-Аттикус.

11. Эту область Миеттинен анализирует, во многом опираясь на ключевую для проекта генеративной феноменологии работу Энтони Стейнбока «Home and Beyond».

в следовании за «путеводной нитью»¹² неудовлетворительной на первый взгляд «индивидуалистической» статической феноменологии.

Читатель, сконцентрированный на методологической стороне работы, может вывести из анализа Миеттинена два значимых положения, на которых мы и остановимся более подробно. Во-первых, генеративная перспектива — с анализируемым ею социально-историческим измерением — утверждается в качестве высшей ступени феноменологического проекта, к которой приводят «путеводные нити» статической и генетической перспектив. Во-вторых, в анализе генеративной феноменологии открывается сущностная неполнота и несамостоятельность статической перспективы, обращающейся к как будто бы не имеющей собственной истории и независимой от наследуемых традиций трансцендентальной субъективности. То есть утверждается необходимая связь между систематической (статической) и исторической (генеративной) философией.

Движение к такому рассмотрению генеративной феноменологии начинается с анализа исторического интеллектуального контекста послевоенной полемики о кризисе европейского человечества, которой противопоставляет себя Гуссерль. Миеттинен выделяет две существенные черты современного Гуссерлю определения кризиса. Во-первых, отгремевшая Первая мировая война и следующие за ней экономические, политические и социальные коллапсы мыслители интерпретировали не как результаты определенной последовательности исторических событий, но как симптомы умирающей европейской культуры. Война обострила восприятие несостоятельности фундаментальных европейских ценностей, поставив под сомнение веру в прогресс и в высочайшую роль научного познания, привилегию разума и особое место Европы в делах человечества. Кризис более не считался «символом перехода на следующий уровень культурного развития или в другую историческую эпоху, но стал выражением [ее] радикальной конечности» (р. 31). Во-вторых, утрата веры в разум как в универсальную идею неизбежно привела к его релятивизации и преломлению через культурно-историческую ситуативность. Рациональность западного мира предстала в виде одной из возможного множества других рациональностей, равным образом претендующих на значимость организации человеческого знания о действительности. В целом доминирующую сторону интерпретации кризиса заняла позиция историзма и культурного релятивизма: достижения как в искусстве, так и в научном познании определялись как значимые только в рамках конкретной культуры и исторического периода, а философия, исходно стремящаяся к универсальным истинам, свелась к мировоззрению, то есть только лишь к выражению индивидуальной духовно-исторической ситуации. Обе эти черты интеллектуального осмысления послевоенного кризиса содержатся

12. Концепт «путеводной нити» (Leitfaden) предполагает генетическое мотивационное рассмотрение отношений между феноменологическими методами, где в качестве мотивации выступает внутренняя проблематика метода. Подробнее см.: *Steinbock*. Op. cit. P. 42–48.

в работе Освальда Шпенглера «Закат Европы»¹³. Натуралистическая перспектива Шпенглера определяет культуру с точки зрения организмической модели. Всякая культура, утверждает он, так же как и живой организм, рождается, развивается и умирает. И поскольку культура — это «конечная сущность, участвующая в великом цикле жизни» (р. 33), постольку о кризисе Европы и можно говорить как о начале смертельной болезни, которая рано или поздно закончится смертью.

Гуссерль, являясь участником текущих дебатов, противопоставляет себя идеям натурализма и позитивизма, трактующим кризис как симптом умирающей культуры. Понять ход этого противопоставления возможно в следующем рассуждении. Первичный замысел натуралистического объяснения культуры может быть схвачен через его радикальную наивность, в которой он явным образом посягает на независимость наук о духе. Так, в бихевиористской психологии Дж. Уотсона и в радикальном детерминизме Б.Ф. Скиннера мы находим положение, «прово- глашающее несвободу [в качестве] единственной значимой отправной точки для любого научного объяснения человека» (р. 48). Через движение физикалистского натурализма фундаментальная вера в ответственность и свободу человека начала разрушаться. И именно в этом контексте Гуссерль совершает переосмысление кризиса. Радикальная наивность натурализма, которая намеренно идет вразрез с истинной природой разума — то есть со способностью к рефлексии, самостоятельному осознанному принятию решений и ответственности, — и является, утверждает Гуссерль, подлинным кризисом XIX–XX веков. И подобно атаке на ответственного за себя индивида, натурализм Шпенглера и прочих солидарных с ним мыслителей атаковал рациональность культуры и лежащей в ее основе рациональной философии, движимой идеей универсализма. Гуссерль радикально не приемлет пассивное, медицинское понимание, которое вкладывается натурализмом в логику культурного развития, а также связанную с ним историчность разума. В противовес подобным коннотациям он стремится переопределить кризис и вместе с тем восстановить подлинный смысл философского предприятия: он закладывает в его основу, с одной стороны, смысл активного решения ответственного, то есть разумного, субъекта и общности, и, с другой стороны, чистый разум, для которого открыта область идеалов, достижимых только в виде «бес- конечной задачи» научного познания. Утверждение и обоснование Гуссерлем этих положений — и последующее переопределение кризиса — возможны только через такую феноменологию, которая, во-первых, открывала бы для исследования социальную, культурную и историческую области и, во-вторых, могла бы выступить в качестве нормативного предприятия, способного отвечать потребностям рациональной культуры и требованиям ее обновления и совершенствования. Развитие

13. *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Wien: Braumüller, 1918 (Band 1: Gestalt und Wirklichkeit); München: C.H. Beck, 1922 (Band 2: Welthistorische Perspektiven). В русском переводе: *Шпенглер О.* (1993). *Закат Европы: очерки морфологии мировой истории* / Пер. с нем. К. А. Свасьяна. М.: Мысль; или: *Шпенглер О.* (2010). *Закат Западного мира* / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Альфа-книга.

этих положений феноменологии должно было позволить ей встать в критическую позицию по отношению к наследуемой традиции, выступая, таким образом, в качестве своего рода децизионистской философии.

Во второй части работы Миеттинен рассматривает, каким образом через «статический проект» феноменологии — который в наибольшей степени занимает Гуссерля в его опубликованных работах, но в меньшей в неопубликованных рукописях — возможно открыть доступ к анализу историчности и традиции. Первый шаг на пути к этому открытию заключается в переходе к «генетическому проекту» феноменологии. Генетическая перспектива может быть получена за счет введения в статическую категорию темпоральности. Те смысловые единства, которые принимаются в статическом проекте в качестве уже готовых и преданных, обретают собственную историю конституирования в генетическом. «Генетический анализ описывает, как одни интенциональные отношения и формы опыта возникают на основе других» (р. 62), вводя тем самым более широкое, динамическое понимание конституирования смысла. Описывая общие положения понятия генезиса, Миеттинен представляет также краткие определения таких концептов, как «телеология», «первичное и вторичное учреждение смысла», а также «седиментация смысла».

Далее, через тему генезиса Миеттинен вводит два значимых положения. Во-первых, трансцендентальное Я перестает быть исключительно пустым полюсом переживаний и приобретает смысл персонального трансцендентального Я, обладающего собственным набором хабитуальностей и принятых решений. Во-вторых, обнаруживается, что источником конституирования смысловых единств является не только активно действующий Я-полюс. Активности Я в конституировании смысла с необходимостью предшествует регион пассивно действующего абсолютного сознания, а также совокупность традиций, в которой «оказывается» и которую наследует через апроприацию трансцендентальное Я. Последнее является ключевым моментом в развитии генетического анализа. Феноменолог обнаруживает собственную включенность в определенную историческую ситуацию, в процесс «передачи» смысловых комплексов традиции, превосходящей его конечность. И через это он открывает перспективу генеративности, то есть «темпоральных способов смыслового конституирования, которые осуществляются в межличностных и межпоколенческих формах сосуществования, в различных ассоциациях, общностях, культурах и всех видах традиций» (с. 66). Открытие генеративности позволяет Гуссерлю основать новый метод для исследования социально-исторического измерения. Этот метод — телеологически-историческая рефлексия, берущая в качестве отправной точки уже не первичность трансцендентальной субъективности, но первичность настоящей исторической ситуации, к которой принадлежит исследователь.

Раскрытие унаследованной традиции и «возвратное вопрошание» (Rückfrage)¹⁴, позволяющее обнаружить ее истоки, возможны, в свою очередь, через обращение не к трансцендентальному региону, как это могло показаться на первый взгляд. Миеттинен, конечно, рассматривает концепты трансцендентальной интересубъективности и «субъектов высшего порядка» (personality of a higher order), однако дальнейшее исследование проводится через переход к их универсальному корреляту, то есть к жизненному миру, проблематика которого в текстах позднего Гуссерля привела к новому пути в феноменологию. Миеттинен определяет жизненный мир в первую очередь как мировой горизонт, означающий не «конкретный интенциональный коррелят сознания, а скорее, необходимый фон конституируемого смысла, благодаря которому предметность приобретает свой осмысленный характер» (р. 75). Такая концептуализация жизненного мира противопоставляет позицию Миеттинена более распространенному в исследованиях наследия Гуссерля определению мира как тотальности, становящейся в трансцендентальной редукции таким же феноменом, как и включенные в нее объекты¹⁵. Жизненный мир как «горизонт всех горизонтов»¹⁶ (р. 76) разграничен множеством индивидуальных жизненных миров, которые Миеттинен, опираясь на работу Э. Стейнбока, называет «домашними мирами» (Heimwelt). Каждый домашний мир представляет собой совместную для общности людей культурную территорию, которая характеризуется собственной нормативной специфичностью и ценностной асимметричностью по отношению к «чужим мирам» (Fremdwelten), также разграничивающим мировой горизонт. Мой домашний мир знаком мне и понятен: я разделяю его ценности, чту историю и традиции; чужой же мир странен и, возможно, даже ненормален. При этом важной характеристикой конституирования индивидуальных жизненных миров является нередуцируемость дихотомии между домашним и чужим. Установление нормативных и территориальных границ первого возможно только за счет столкновения со вторым. Иными словами, их генезис представляется как взаимное со-конституирование через взаимодействие.

Неустранимость дихотомии «домашнее — чужое» в конституировании жизненного мира ставит под сомнение универсалистскую интенцию феноменолога.

14. «Возвратное вопрошание» — регрессивное генетическое или генеративное исследование, направленное на раскрытие протоучреждения (Urstiftung) смысла; или же, иными словами, на обнаружение первичных генетических источников его образования. См., например: *Smith N.* (2010). *Towards a Phenomenology of Repression: A Husserlian Reply to the Freudian Challenge*. Stockholm: Stockholm University.

15. Концептуализация мира как мирового горизонта утвердила себя в современных феноменологических исследованиях Гуссерля благодаря таким работам, как: *Steinbock*. *Op. cit.*; *Walton R. J.* (2010). *The Worldhood of the World and the Worldly Character of Objects in Husserl*. Dordrecht: Springer; *Geniusas S.* (2012). *The Origins of the Horizon in Husserl's Phenomenology*. Dordrecht: Springer. Эта мысль высказывается в работе: *Bower M. E.* (2013). *The Birth of the World: An Exploration in Husserl's Genetic Phenomenology*. PhS Thesis. Memphis: University of Memphis.

16. *Merleau-Ponty M.* (1976). *Phénoménologie de la perception*. P.: Gallimard. P. 381. В русском переводе: *Мерло-Понти М.* (1999). *Феноменология восприятия* / Пер. с фр. Д. Калугина, Л. Корягина, А. Маркова, А. Шестакова под ред. И. Вдовиной и С. Фокина. СПб.: Ювента, Наука. С. 423.

Тяготение к «одному миру» на межкультурном уровне приводит к «оккупации» одним домашним миром остальных и, следовательно, к разрушению генеративности и процесса передачи традиции: «в мире без традиций мы просто становимся бездомными» (р. 79). Однако, утверждает Миеттинен, эта неустранимость свойственна лишь генеративной перспективе, в то время как статическая перспектива все же обнаруживает за множеством традиций единый мир, общий мир природы. Домашние миры в статике — это перспективы анонимного, объективного мира природы, которые приобретают свою нормативную спецификацию в процессе отделения от мира природы как от отправной точки. Следовательно, заключает автор, генеративная дистанция между традициями не препятствует «такому критическому размышлению, которое стремится раскрыть нормативную спецификацию индивидуальных традиций» и произвести их «критический анализ в отношении общего жизненного мира» (р. 78). Универсализм, напротив, должен быть истолкован как необходимая «задача», которая может быть поставлена при условии множества индивидуальных миров.

Открытые Гуссерлем область генеративности и метод телеологическо-исторической рефлексии позволяют ему, взяв современный кризис универсализма в качестве посылки, осуществить «возвратное вопрошание» и проследить генезис универсализма и теоретической установки в Древней Греции. Предполагается, что восстановление истинного смысла универсализма и непосредственно связанных с ним смыслов философии и наук, которые были утрачены в результате радикализации естественными науками «необходимой наивности» (*necessary naïveté*)¹⁷, принятой Галилеем, позволит Гуссерлю (и человечеству в целом) сделать следующий шаг в сторону рационального обновления и преодоления кризиса. В третьей части работы Миеттинен производит тщательную реконструкцию этого анализа, в которой устанавливается, что универсализм и греческая философия также могут быть рассмотрены в качестве генеративного феномена, и даже более того — в качестве таких же продуктов кризиса.

Институционализация более тесного взаимодействия между полисами в результате реформ Солона, направленных на разрешение конфликта между старой аристократией и растущим классом богатых торговцев, а также близкое соседство с восточными империями сделали домашний мир Греции «посредником между домашними и чужими [культурами], опирающимся на специфическое само-дис-

17. Под «необходимой наивностью» Гуссерль подразумевает специфическую установку Галилея, Декарта и в некоторой степени всего рационализма эпохи Просвещения. Согласно этой установке, в математизации природы, осуществляемой философами и учеными, то, что первично является методом, неререфлексивно принимается за истину. Так, Галилей, считающий математику «книгой природы», не учитывает того факта, что книга эта может быть написана (или прочитана) только в результате абстрагирования от конкретного жизненного мира и облачения его в «одеяние идей». См.: *Husserl E.* (1954). *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie* / Ed. W. Biemel. Den Haag: Nijhoff. В русском переводе: *Гуссерль Э.* (2004). *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию* / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль.

танцирование от абсолютного примата собственной традиции» (р. 95). В столкновении греческих домашних миров с множеством чужих миров (и в том числе друг с другом) была приобретена невозможность относиться к собственной традиции как к абсолютной основе. Знакомство с различными территориальными мифологиями привело к необходимости создания «универсальных мифов», охватывающих общие черты всех домашних миров и, по сути, представляющих собой совокупность природных объектов одного объективного мира, лежащего в их основе. Иными словами, таков — изложенный коротко, насколько это возможно — генезис условий возможности философии и области идеального, к которой она стремится. Миеттинен всячески подчеркивает взаимное смешение между понятиями «философия», «наука», «теоретическая установка» и «универсализм» в смысле их критической позиции по отношению к домашней и чужой традициям и обращения к универсальному измерению, лежащему в основе всякого индивидуального мира. «Философия хочет быть «наукой», универсальной наукой о вселенной; во всех своих различных систематических формах она хочет быть общей в соответствии с абсолютно достоверной истиной, которая связывает всех...»¹⁸ (р. 91). Философия возникает и развивается не в виде конкретной доктрины или техники, но в виде определенной установки.

Генеративным же феноменом философию делает не только факт географически-исторического происхождения, но и то, что ее открытие стало причиной рождения новой уникальной генеративной традиции, которую Гуссерль называет «европейской». Европейская культура — это «универсальная» культура, одушевленная праксисом философии и руководствующаяся идеей универсального разума. Чтобы такая культура стала возможной, философии необходимо было из индивидуальной установки стать коллективным предприятием, то есть, утверждает Миеттинен, институционализироваться. Предполагается, что институционализации способствовало стремление философии к универсальному знанию, поскольку область идей превосходит домашние миры, постольку ее раскрытие может быть определено только в рамках «бесконечной» или «универсальной» задачи, выходящей не только за пределы жизни отдельного индивида, но и за пределы отдельных жизненных миров. Теоретическая установка утверждает не только новый класс вневременных и внекультурных предметов, но и совершенно новый горизонт практик их получения, выражаемых в понятии «идеальных целей». Исследование этих идеальных предметностей, их аккумуляция и передача через поколения возможны только в коллективном научном предприятии. Философия, обязанная своим появлением релятивизации традиций, «не просто заменяет традиционность до-философского мира учреждением новой традиции; скорее, она заменяет саму идею традиционности телеологической направленностью» (р. 111). Помимо этого, философия как предприятие, возможное только ввиду разделяемой «любви к идеям» (*Ideenliebe*), способствовала идеализации самого понятия общ-

18. Husserl E. (1959). *Erste Philosophie II* (1923–24): *Theorie der phänomenologischen Reduktion*. Den Haag: Nijhoff. S. 320.

ности. Благодаря ей возможно такое определение общности, в котором теряют свою значимость этническая, расовая, политическая и прочие принадлежности. Иными словами, в открытии теоретической установки утверждается телеологический идеал «универсальной общности», включающей в себя все разумные существа. Универсальная (философская, научная) общность — это общность друзей, что противопоставляется концепту политических общностей, включающих в себя друзей (своих) и исключаящей врагов (чужих).

Философию, более того, можно рассматривать как «насквозь» (*durch und durch*) политическую. Теоретическая установка позволяет ей утвердить себя в форме политического идеализма — проекта, противостоящего традиционным способам устройства общественной жизни и стремящегося к идеальной политической общности через постоянную критику и обновление. Греческая политическая мысль постулирует невозможность принятия актуальной формы правления в качестве «естественно» сложившейся и действующей. Всякая политическая система должна подвергаться пересмотру. При этом политический универсализм, открытый в Древней Греции и реконцептуализированный Гуссерлем, как утверждает Миеттинен, вовсе не синонимичен спектаклю Европеизации (или, иначе, глобализации), который мы наблюдаем в истории. Вместо идеи монокультурализма с единой нормативной спецификацией, за которой скрываются разнообразные доктрины всеобщих прав человека, свободного рынка и либерализма, философия предлагает концепт не-субстанциального универсализма. Универсальная общность, в которой стерты все границы между домашним и чужим, рассматривается в нем только в «абсолютном смысле», то есть в смысле идеала, достижимого лишь в бесконечном горизонте обновления. Политический универсализм заменяет «универсализированный партикуляризм» с его некритическим отношением к универсальности частных догм динамической идеей «абсолютной нормы». Эта идея подразумевает, что «абсолютная норма» не может быть выведена из традиции, но, напротив, — должна представлять критический принцип. «Этическую идею общности, — утверждает Гуссерль в *Kaizo*, — следует понимать как систему развития (*Werdenssystem*)»¹⁹ (р. 166). Из этого формального характера концепта универсализма также следует и его открытость к сосуществованию нескольких домашних миров, каждый — с собственными нормативными спецификациями.

Понять сущность основанного Гуссерлем универсализма в философском предприятии помогает его «историческая телеология», противопоставленная телеологиям «великих нарративов», что и иллюстрирует Миеттинен в четвертой части работы. «Великие нарративы» таких мыслителей, как Кант, Гегель, Маркс, имеют ядром своей исторической телеологии идею «божественного замысла», который направляет ход мировой истории. Гуссерлианское же генеративное же понимание телеологии, с одной стороны, синонимично детерминированной историчности этих нарративов — в тезисе о необходимой телеологичности культуры. Гуссерль

19. *Husserl E.* (1989). *Aufsätze und Vorträge (1922–1937)* / Ed. S. H. Rainer, N. Thomas. Dordrecht: Kluwer. S. 55.

утверждает: всякая культура телеологична, поскольку она стремится к достижению некоторых целей. Однако, с другой стороны, эта цель обнаруживается не потому, что она реализует некоторый «объективный» замысел, но потому, что она суть традиция — совокупность совместно конституируемых, передаваемых и наследуемых смыслов. И поскольку всякий смысл обладает горизонтом, постольку и передача традиций обязует наследников осуществлять эти традиции в дальнейшем: выполнять определенные практики, достигать определенных целей, придерживаться конкретных ценностей и так далее. Передача традиции — и рациональность культуры — следовательно, опирается на ответственность тех, кто ее наследует. Человек или общность людей способны принимать решения относительно унаследованных культурных смыслов; в том числе и решения, ведущие к отречению от этих культурных смыслов. И подобно тому, как в генетической феноменологии обнаруживается возможность забвения «осажденных» седиментаций, так и в генеративной перспективе мы можем говорить об утрате — а точнее, о различных способах «утраты» — культурных смыслов. Эта утрата смысла и есть сущность генеративного кризиса, который Гуссерль противопоставляет натуралистической интерпретации. Кризис — это внутренняя, необходимая черта исторической телеологии культуры, которая то и дело утрачивает очевидность смысла или совокупности смыслов. Выход из кризиса, то есть обновление культуры, возможен через восстановление и вместе с тем переопределение и критику этого смысла и присущей ему ранее очевидности. Из этого следует, утверждает Миеттинен, что кризис современных наук может быть проинтерпретирован в генеративной перспективе как утрата очевидности понятия «универсального» в философском предприятии.

Феноменологический проект в целом и открытая им область генеративности в частности могут быть, таким образом, определены как специфический результат кризиса натурализма и физикализма (р. 154). В результате анализа, проведенного в генеративной перспективе, философия перестает быть возможной как, с одной стороны, лишь «забота о славе идеи, отражающейся в мировой истории»²⁰ (р. 144), и с другой стороны — исследование, свободное от влияния традиций. Рассмотрим последнее более подробно.

С принятием теоретической установки европейская культура открывает новую область телеологического горизонта с присущими ему идеальными целями, которые формулируются в терминах «бесконечной задачи». И философия, первично утвердившая себя как предприятие для достижения этих целей, с открытием генеративной перспективы не может более игнорировать факт необходимой односторонности (*one-sidedness*) и зависимости предлагаемых ею решений от традиции. Ведь и традиция характеризуется историчностью и собственной телеологией; а предлагаемые ею решения могут обладать лишь относительной идеальностью.

20. *Hegel G. W. F.* (1970). *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 540. В русском переводе: *Гегель Г. В. Ф.* (1993). *Лекции по философии истории* / Пер. с нем. А. М. Водена. СПб.: Наука. С. 455.

Понимание этой относительности возможно именно благодаря динамической несубстанциальной категории универсального. Универсализм философии заключается не в том, что создаваемые ею теории актуально превосходят домашний мир и являются общими для совокупности всех домашних миров, но в том, что философ и, конечно, ученый должны понимать относительность постулируемых ими идей по сравнению с горизонтом абсолютных идеалов, они должны видеть зависимость своих идей от исторических предпосылок, а значит, и критически к ним относиться. В этом, как утверждает Миеттинен, и состоит ключевой вывод генеративной перспективы: «телеологическая рефлексия имеет ключевое значение, потому что мы *еще не* в конце истории, или, точнее — потому что мы постоянно думаем, что мы [уже там]» (р. 144).

И по этой же причине мы можем утверждать незаконченность и неполноту (в позитивном смысле) статического проекта трансцендентальной феноменологии. Через «выключение» естественной установки статическая перспектива стремится освободить себя от всех предпосылок и достичь беспредпосылочного знания как начала системы наук. В то же время генетическая, а следом и генеративная области указывают на сущностную невозможность такого типа знания, поскольку всякая «рефлексия необходимо привязана к конкретному домашнему миру, его исторической традиции и концептуальной рамке» (р. 143). Систематическая философия возможна только в случае, если она дополняется исторической критикой. Иными словами, дескриптивная статическая феноменология неразрывно связана с объясняющей генеративной феноменологией. И даже более того, генеративная область представляется в качестве наивысшей ступени «феноменологической лестницы», нижняя ступень которой — статическая и якобы лишенная историчности перспектива. И именно в этом смысле трансцендентальная субъективность (изначально критикуемая как исключительно «индивидуалистическая» точка зрения) предстает перед нами совершенно по-иному — в виде несамостоятельной стартовой ступени, от которой мы далее должны подниматься к областям историчности и социальности, а следовательно, и к столь важной для социальных наук генеративной перспективе.

Ценность книги Миеттинена заключена, таким образом, в возможности нейтрализации социологической критики трансцендентальной субъективности с помощью собственных ресурсов феноменологии, и через это — в утверждении более прочных оснований феноменологии как фундамента социальных наук. Генеративная перспектива, венчающая феноменологическое движение, открывает новые горизонты исследования социальной онтологии, недоступные для статической и генетической перспектив, и поэтому, несомненно, должна быть взята на вооружение современными социальными учеными.

The Idea of Europe and Husserlian Historical Teleology

Dmitry Reznikov

Research Intern, Center for Fundamental Sociology, HSE University

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: reznik.soc@mail.ru

Book Review: *Timo Miettinen*, *Husserl and the Idea of Europe* (Evanston: Northwestern University Press, 2020).